

Некоторые названия населенных пунктов и имена героев являются вымышленными персонажами автора. Посвящается моему другу Эламану Жаниеву.

Начало вылазки

Странное дело, Сарала явно нервничал. К своим 7 годам он успел поучаствовать во многих вылазках со своим верным другом. Но сегодня нечто непонятное, необъяснимое для его природы явление, какие-то странные новоощущения терзали его юное сердце. Душе его, не было покоя. И хотя тело, готовое на самые изматывающие испытания чувствовало огромный прилив сил, волнение под его кожей и мышцами можно было заметить невооруженным глазом.

Это лето для него третье по счету, после того, как его начали считать взрослым жеребцом. День ото дня он крепчал, становился все быстрее и проворнее. И ни один скакун в округе по скорости не смог бы сравниться с этим резвым животным. А благодаря необычной раскраске и пятна на лбу в форме сердца, коня невозможно спутать с остальными. Молва о выдающихся качествах Саралы разносилась по всему Кочкору. Иные люди рассказывали о нем и в Кемине, и в далеком селе Тору айгыре. А некоторые сравнивали молодого жеребца с самим Тору айгыром в честь которого назвали это селение. Несмотря на то, что Сарала вероятнее всего не смог бы переплыть озеро поперек, как это сделал Тору айгыр, Кочкорский аргамак, готов поспорить, с легкостью обогнал бы его в скачке. За весь 1934 год он не проиграл ни одного забега. «Желто-белый» стал любимчиком всех, кому посчастливилось его видеть. Так что, в его способностях не осмеливался сомневаться даже самый недоверчивый человек этого времени. Мне, как односельчанину его хозяина, тоже было радостно осозна-

вать, что такой малый вырос в наших краях и жевал нашу зеленую траву. Видимо воздух, которым мы дышим, и вода из источника, которой одинаково сладостно напиваются и люди и звери имеют свои особенные свойства. За все свои сорок с лишним лет жизни я ни разу не подвергнулся серьезной болезни. Так же и Сарала ни разу не был замечен мною больным. А его владелец, который был для ретивого коня больше другом, чем просто наездником и вообще, казался безупречно здоровым. Все известные нам болезни обходили его стороной. Пожаловаться он мог разве что на зубную или головную боль, от которой не защищен никто из мне известных. Абыке был так же хорошо сложен как его конь, если не лучше. Слегка загоревшее лицо, прямой нос и глубоко посаженные глаза сразу выдавали решительность. Этот маститый проныра был известен как неразговорчивый собеседник, но искусный борец. Неважно на земле ли идет борьба или на лошадях, исход был ясен заранее: Абыке уложит на лопатки любого противника. Поэтому, когда речь заходила о продолжительной и быстрой скачке, паре, состоящей из Саралы и Абыке можно было только позавидовать.

Несмотря на все сказанное выше, нервозность желто-белого жеребца неминуемо была замечена. Абыке это ничуть не смутило. Он объяснил это тем, что ночь будет непростой. Всякий раз выходя на вылазку Абыке и сам подвергался всякого рода размышлениям. Поток мыслей непрерывно крутился в его голове. Они были циклическими, цепочка из воспоминаний и умозаключений снова и снова возвращалась к тому месту, откуда она начиналась. Его тревожила мысль об ушедшем товарище. Смерть друга как будто скосила ему ноги. Сильный духом и телом Абыке, вспоминая мелкие детали этого страшного дня чувствовал слабость.

Я знаю наверняка. Как? Это я расскажу позже, дорогой читатель. А пока расскажу, как можно четче, о необыкновенной истории конокрада из моего села. Итак, в тот самый волнительный день Абыке грозно приказывал себе:

– Сегодня нельзя впадать в размышления, – пробурчал он и пришпорил коня. Сарала и так двигавшийся довольно

быстро, вспомнил что такое «стараться». Кнут хозяина был своего рода сигналом, а не наказанием: Абыке избивать любимое животное решился бы никогда. Ведь за долгое время аскетизма он смог сблизиться только к Сарала. Кроме него у Абыке никого не было. Очень странно видеть человека самовольно отстраняющемся от всех. Все люди, которых я знаю, наоборот стараются держаться как можно ближе к обществу и быть одной единицей большого хитросплетения. Он же утыкался в свое одиночество и находил утешение в общении со своим животным. Односельчане недоумевали и называли его чудачком. Я же считал, что у него таилась обида на все село, на всю округу и на злой рок, который так издевательски подшутил над ним.

– Чу! – брякнул Абыке, заставляя Саралу перепрыгнуть через огромный арык. Встрепенувшись, он отвлекся от тех продолжительных мыслей, которые сопровождали его ясную голову. Эту привычку – возвращаться в циклические мысли он обрел вместе с одиночеством. И чем дольше он оставался один, чем чаще его посещали одни и те же мысли. Словно снова и снова возвращался к истоку реки и бросал бумажный кораблик, затем подбирал его через несколько верст и нес к истоку.

Одиночество оградило нашего героя после одного очень важного события в его жизни. Как ни странно, безграничная любовь, которая когда-то делала его счастливым сделала Абыке и несчастным, как это часто бывает в амурных историях. Но это была особенная, выделяющаяся над всеми остальными романами любовь. Это не была ситуация, когда бедный любил богатую, а родители ее были против неравного брака. Это не был очередной повод для вдохновения акынов на пламенные стихи. Любовь Абыке ничем не и никем не запрещалась. Ни моральными устоями, ни законами приличия. Напротив, все знали о привязанности юного сельчанина к первой красавице селения Набат и восхваляли их чувства. Без исключения каждый упоминал эту красивую пару, которых связывали невидимые нити чувств. Но далеко не каждый вспомнил как эти два молодых человека подходили друг другу, когда случилось нечто страшное для влюбленных. Нет, это не

трагедия со смертью одного из повествуемых. Если здесь и была смерть, то только для нервных клеток парня-страдальца. Вымирание всего прекрасного в этом ослепительно ярком человеке погасил пламень в его глазах и осушил язык за алыми губами. Ему как будто напихали песка в рот и столкнули вниз по обрыву. Собрав осколки и вставив все кусочки себя он все же остался таким же пустым, как глиняная ваза. В него можно было положить горного меда или налить упоительного вина, но Абыке предпочел заполнить это пространство солью и перцем. Когда как избранница нашего ранимого знакомого быстро нашла себя и оправилась от ран этих взаимоотноотягчающих эмоций. После того как ее украл местный пастух, а мулла засвидетельствовал их брак и закрепил печатью божьей, она еще не долго мучилась и переживала о прежнем спутнике. Нет, выбор дался ей не просто, даже можно сказать что выбора у нее не было совсем. По ее меркам. Ведь как мухи ограничены полетами и переносом болезней, а куры кудахтаньем и яйцами, точно так же она была ограничена в своем мире. Ее мир состоял из маминых уроков и упирался об точку зрения окружающих. Они-то и решали, что в то время считалось пошлым и недостойным, а что считалось бесстыдным и порочащим. Отказаться от брака и переступить порог того дома, который принял тебя как невесту было не позволительной роскошью в то время. Любая послушная и мудрая дочь воспитывалась прежде всего, как жена, мать и приспешник будущего мужа. И вот поэтому, когда бедную Назик украл тот пастух и продержал битые шесть часов, не обращая внимания на мольбу и слезы, она посчитала себя обреченной. Но обреченной не на ненависть к своему похитителю, а на любовь к нему как к супругу. Приняв действительность за желаемое и поддавшись уговорам множества женщин собравшихся в этом ветхом доме Назик согласилась выйти замуж за своего неприятеля. Местный мулла, являвшийся своего рода ученым, юристом и праведником в одном лице благословил молодых и отправился дальше по своим делам. А на утро, Назик настраивалась как ее учили. Настраивалась на счастье и благополучие. Да и не до страданий было: как воспитанная девушка, которая

не осрамит своих родителей она спозаранку принялась подметать в доме и доить многочисленных коров. Что касается его безумного поклонника в лице Абыке, то он, узнав об этом, первую половину дня просто на просто не мог поверить в услышанное. Соседи шушукались, глядя на него, друзья осматривали жалостливым взглядом. А недруги тихо радовались такому исходу событий. Первым что сделал Абыке, придя в себя – это вспомнил про Бека:

– Бек! – крикнул он призывая своего суетливого друга, словно он был был бы Джином.

– Бек! – еще раз разразился голос Абыке, как гром среди ясного неба. И вот уже готов был вырваться третий по счету призыв, как Бек оказался рядом.

– Что такое? – спросил Бек с тревожным взглядом.

– Беда!

– Так расскажи мне.

– Бек, случилось то, что навсегда изменит мою жизнь.

Если мы что-нибудь не сделаем!

– Но что стряслось?

– Беда, беда, мой друг!

– Скажи уже в чем дело!

– Назик украли, – уже осознанно сказал Абыке.

От услышанного Беку легче не стало. Он надеялся мигом уладить вопрос и развеять тучи над головой прелестного друга. Но вместо этого, помощника самого ошарашило на несколько минут.

– Ну чего? – спросил все еще ожидающий Абыке. – Есть мысли?

– Поехали, – сказал Бек настолько уверенным тоном, что Абыке чуть не вскричал от радости. Не понимая того, что действия друга – сердобольность, а не опыт решения таких проблем, Абыке заметно оживился.

– Чу, – сказал Бек и прищпорил коня.

– Чу, – повторил его спутник взобравшись на коня и ударил ногами по ребрам коня.

Река Чуй

Незаметно быстро для самого всадника и чуть более продолжительнее для читателя, Сарала и Абыке достигли реки. Чуй – самая большая река в этой местности и уж точно самая большая вода, которую знал конь, о котором, я рассказывал. Желто-белый всегда знал где ее переходить, ведь за те годы, как его считают взрослым, а звание это он заслужил не зря, жеребец научился многому. Талант запоминать и находить потом эти тропы достался ему в наследство. Умный не по годам, а по опыту и воспитанный умелым хозяином «Ак кашка», как его было называли некоторые сельчане, переходил поперек Чуя в определенных местах. То были широкие участки реки, где вода едва доходила до колен: по мелководью можно даже пробежаться на скорости. Или так называемый меандры – изгибы реки, куда Сарала бросался, как будто бы нырял в бассейн. Но в этот раз выбирать не пришлось, мощный конь надеялся на свои сильные ноги и погрузился в воду вместе с хозяином. Это был глубокий участок реки, вода просочилась в кожаные сапоги Абыке и продолжала подниматься по мере того, как они погружались глубже.

– Проклятье! Попали в плес, – пробурчал человек и нагнулся. Так жеребцу стало легче справляться с течением, ведь ни передние ноги, ни задние уже не доставали до дна. Оттолкнувшись пять-шесть раз, он почувствовал песчаную отмель. Пару резких рывков вынесли его на берег. Тут всадник спустился на землю и начал скидывать с себя мокрую одежду.

– Эшектики! – недовольно вымолвил Абыке.

– Иго-го-го, – последовал ответ от Саралы.

Абыке разделся ниже пояса и скинул теплую безрукавку, нижний край которого промок насквозь. Надо было разжечь огонь и высушить все мокрые вещи. Ибо осенний холод намного могущественней, чем кажется. Даже такой здоровый человек как Абыке вынужден повиноваться природе. Так что, он не стал перечить матушке и насобирав хвороста пройдясь вдоль реки.

– Ну что, погреемся? – предложил Абыке разжигая огонь. Сарала одобряюще фыркнул, хотя огонь ему и не нужен.

Когда вещи высохли Абыке спешно засобиравшись, надо было трогаться дальше. Впереди их ожидал долгий и сложный маршрут, часть которого уже преодолена. Упущенное время могло негативно сказаться на деле этой ночи.

Пара продолжила путь. Разум Абыке продолжил оборванную нить размышлений:

– Ах! Какой же парень был золотой! Ни одного изъяна не помню. Бедный, бедный, Бек мой! – проскользнуло в голове всадника. Тут же всплыли картинки знойного лета 3 летней давности.

Стояла необыкновенная жара: такое надолго вбивается в память. От раскаленного солнца люди спасались как могли. Дети целыми днями пропадали и появлялись только под вечер – купались в местных водоемах и играли в фруктовом садике. Взрослые бросали все дела и прятались в тени. Убежищем служили землянки, обычные дома из глиняных кирпичей и юрты. Что касается Абыке и его лучшего друга Бека, тогда они увлеклись нездоровым удовольствием. По ночам они распивали «воду сумасбродов», а точнее водку. Хотя пригодна для них была всякая выпивка, будь то дешевое вино, самогонка украинских переселенцев или кислый кумыс.

Абыке всегда знал меру: как только начинал терять контроль над телом переставал пить. А вот Бек был не из таких, если выпивки не оставалось он добирался туда, где она есть. Вот и в тот раз Абыке воротился домой, стараясь не дать виду грозному дяде, Бек же продолжил пьянство. Как это не редко бывало, он исчез на три дня. На четвертый вернулся его конь по кличке Аккула. Израненный и хромающий, будто в него врезался грузовик на большой скорости. Абыке встрепенулся, очередная доза алкоголя до этого овладевшая им и увлекшая в бескрайние поля разгильдяйства как будто испарилась. Сев, на тогда еще четырех годовалого Саралу наш герой поскакал к нижесто-

ящему селу. Там обычно пропадали любители подвыпить, так как это село было больше, а следственно легче найти выпивку. Он достиг места очень быстро, Сарала вспотел. Это был скорее город, по тем меркам. По всюду шла оживленная торговля, хотя утро еще не торопилось перейти в день. Порасспросив местных продавцов Абыке выяснил что Бек отправился обратно в село Набат. Но не обычным путем, который огибает ущелье Мамыча, а напрямиком, сквозь горы. Путь был не из легких. На некоторых участках этого маршрута лежат тропы у скалистых уступов. Их-то и боялся Абыке, ведь там даже для трезвого испытаний на несколько часов. Чем ближе становилась те скалы, тем сильнее не хотелось Абыке приближаться к ним. У него было плохое предчувствие. Вдруг он увидит бездыханное тело друга? Но двигаться дальше имело смысл. Он так и сделал, и нашел его. В метрах четырех под уровнем наскальной тропы раскинув руки по сторонам лежал Бек.

Спустившись по отдельной дорожке Абыке смог сообразить и представить, как все произошло. Судя по всему, умер он не сразу. Конь задавил всадника упав прямо на него и тот не смог выкарабкаться. Возможно были сломаны ребра и разорваны внутренние органы. Абыке трудно было поверить в это, но друга не стало. Даже доказательство в виде тела не внушали ему доверия. Каменистые горы и скалы стали свидетелями величайшего горя. Весь путь от ущелья Мамыча до Набата Абыке проливал горькие слезы, но как истинный мужчина не проронил ни слова. Только жалобные вздохи вырывались из его груди. Сарала скорбил вместе с хозяином. Вес двоих человек он сносил бы с легкостью, но вот горе хозяина отяжелило груз. Шли медленно, но верно.